

Я расплатился с шофером. Он сунул деньги в карман, весело оскалится:

— Получайте ваш Неустрой. Если захотите выбраться, так вечером пойдет автобус. А то — до завтрашнего дня.

Сел поплотнее. Облепленный грязью грузовик прокрутил на месте колесами, бросил назад ошметья глины и тронулся, разделяя неимоверную лужу.

Я пересек площадь, пошел по широкой пыльной улице. Аккуратные одноэтажные дома серого кирпича с белыми занавесками на окнах были окружены садами. Под глянцевыми листьями, сгибаемая ветви, наливались яблоки. Малина перемалывала через забор.

Спрашивать дорогу не стоило. Деревню со странным именем Неустрой я знал наизусть. Позавчера оперативная группа под видом геодезистов сфотографировала ее вдоль и поперек. Окрестные леса в радиусе пятидесяти километров уже вторые сутки фиксировались авиаразведкой. Я ночь просидел над снимками и теперь мог идти с закрытыми глазами.

Улица спускалась к деревянному мостику. На обкатанных камешках пенилась вода. Я как бы невзначай обернулся. Из кустов вылезла сонная собака, через силу твякнула на меня, легла мордой в толстую пыль. Слежки не было. Во всяком случае явной. Да и глупо было бы ожидать, что станут следить за каждым приехавшим. Оперативники, работавшие два дня, говорили, что на них никто не обращал внимания. Они вообще не заметили ничего подозрительного. Деревня как деревня. Полторы сотни домов, четыреста жителей, клуб, школа.

Школа находилась на пригорке. Белое здание с большими окнами. Я поднялся на второй этаж. Директор — полный, сурового вида мужчина с глубокими залысынами — скульптурным лицом кивнул на диван. Он сидел за столом без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами.

Перед ним, понурив стриженные головы, стояли два школьника пятого-шестого классов.

— Я слушаю, Вохминцев, — сказал директор. Тот школьник, что пониже, еле слышно сказал:

— Мы пошли посмотреть...

— В час ночи, — уточнил директор. — Дальше.

— А он засветился.

— Кто он?

— Привидение.

— Ага, привидение, — директор выразительно посмотрел на меня.

А. Столяров Странный человек

— И Петька побежал, и я побежал...

— Врешь, это ты побежал, — сказал школьник повыше.

— До тебя еще дойдем, Иванов, — пообещал директор. — Потерпи немного. — Указал мне на них. — Вот полюбуйтесь: чудо двадцатого века. У обоих пятерки по физике — верят в привидения. Три дня назад пошли выслеживать. Ночью. В лесу. Разумеется, заблудились. Искали их всем селом. Сколько людей пришлось отрывать от работы. К летчикам обращались за помощью.

— Это Петька, — сказал школьник пониже. — Если бы он не побежал... Что я — Харлама боюсь?

— Врешь все, — не очень убедительно возразил второй.

— Каково? Привидения! — сказал директор. — Ты, Вохминцев, может быть, и в бога веришь?

— Бога нет, — сказал школьник и шмыгнул носом.

— А что есть?

— Материя...

— Привидения — это очень интересно, — сказал я.

Директор изумленно уставился на меня. Он, видимо, обращался ко мне в чисто педагогических целях, как к взрослому, не ожидая никакого ответа.

— Простите... я что-то не припомню? — сказал он.

Я назвал. Директора это не обрадовало. Он смотрел недоверчиво.

— Вот мои документы, — я протянул удостоверение, где честь честью было сказано, что Соломин Игорь Игнатьевич является инспектором областного отдела народного образования.

— Что вы, зачем вы, я вам верю, — сказал директор, но удостоверение взял. Распорядился: — Иванов, Вохминцев, быстро на урок. Завтра — с родителями.

— Минутку, — остановил я извиняющимся тоном. — Это же так интересно — привидения. Я вот сколько живу, ни разу их не видел. Позвольте расспросить?

— Пожалуйста, — неохотно сказал директор.

Ему явно не хотелось разбирать эту историю в присутствии инспектора облоно.

— Ребята, — сказал я. — Значит, вы видели привидение? Удивительно. И какое же оно?

Школьники переглянулись, тот, что пониже, сказал:

— Известно, какое... Синенькое. — Он вообще был посмелее.

— Синенькое. Светилось, значит?

— Да.

— И сильно светилось?

— Нет. Так, чуть-чуть, между деревьями.

А когда по улице шло, то почти и не видно, — сказал высокий, впервые подняв лицо.

— Это что же, был скелет? — шепотом сказал я.

— Зачем скелет? — недоверчиво спросил школьник.

— Так уж положено привидению. Оно должно появляться в виде скелета, закованного в цепи, — греметь ими и дико завывать.

Я подмигнул директору, но он моей шутки не принял — страдая, вытирал лоб платком.

— Ничего там не завывало, — решительно заявил низкий школьник. — Правда, Петька?

Петька слегка кивнул. — Он тихо шел. А в лесу два раза застонал, жалобно так. Нормальный Харлам, только синенький.

— Кто? — не понял я.

— Харлам.

Директор неловко пояснил:

— Тут недалеко от поселка, километра четыре, стоит избушка. Харламов скит. Говорят, что лет двести назад там жил монах, отшельник — Харлам. Будто бы был страшный разбойник: купцов проверял на большой дороге, ну а потом, к старости, раскаялся, построил скит и ушел замаливать грехи. Оттого и зовется — Харламов скит. Говорят еще, что этот Харлам перед тем, как раскаяться, зарыл награбленное в землю, а где — не помнил. Вот теперь, после смерти, ходит, ищет зарытое. Чепуха, конечно, но избушка в самом деле древняя — наполовину в землю ушла. Я так думаю, что ее промысловики когда-то поставили. А Харлама уже потом приплели.

— А ты как думаешь? — спросил я низкого школьника.

Он упрямо дернул головой:

— Чего думать? Харлам и есть. Ищет свое золото. А мы с Петькой, значит, решили посмотреть, где он золото спрятал, и, значит, выкопать.

Мне, вероятно, следовало немедленно разоблачить религиозный дурман, но я не был педагогом и поэтом спросил только:

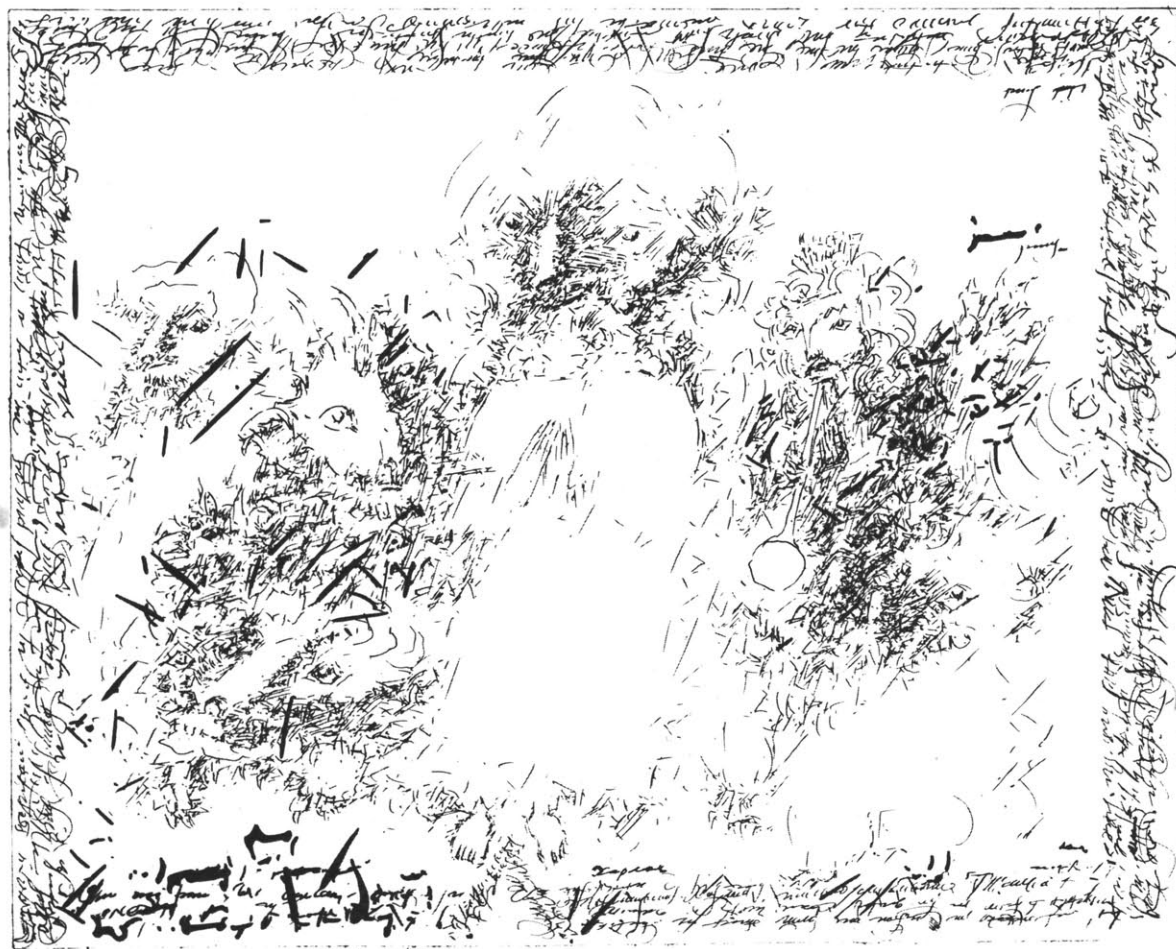

Рисунок Д. Лиона

— Страшно было ночью?
— Подумаешь, — сказал школьник. — Что я, Харлама боюсь, что ли. Это вот Петька.

— Ладно, идите, ребята...

Школьники обрадованно затопали к выходу, в дверях низкий обернулся:

— Пойдете Харлама выслеживать?

— Да вряд ли, зачем он мне, — сказал я.

— Не спугните его, — серьезно предупредил школьник. — Он всего боится. От нас с Петькой так и зачесал в другую сторону...

— Не спугну, — пообещал я. — Он когда выходит на промысел?

— Да в двенадцать...

— Каждый день?

— Когда неделю его нет. А когда дак каждый...

Дверь за школьниками закрылась, и директор развел руками:

— Откуда это? И ведь учатся оба неплохо. Занимаются в авиамодельном кружке...

— А вы в детстве никогда не искали кладов? — спросил я. — Вы не лазали по подвалам, по чердакам, не хотели обнаружить потайной ход к спрятанным сокровищам?

— Я в их возрасте уже работал, — сухо сказал директор. — Тогда была война. Я пошел на завод учеником слесаря. — Он спохватился. — Вы только не подумайте, что у нас запущена атеистическая работа. Напротив. И мы этот случай не оставим без внимания: проведем лекцию о суевериях... и... что-нибудь о космосе...

— Удостоверение, — напомнил я.

— Что? Ах, да! — директор вернул удостоверение, которое до сих пор вертел в руках. — Простите. Так что вас, собственно, интересует?

— Так сказать, вообще, — ответил я.

— Учебные планы?

— Да.

— Идеологическая, культмассовая работа?

— Разумеется.

— Факультативы?

— Конечно.

— Побываете на уроках?

— Хотелось бы.

— Только месяц назад у нас была областная инспекция, — задумчиво сказал директор. — Вадим Борисович остался доволен.

— Он боится, — твердо сказал я, отсекая все вопросы о неведомом мне Вадиме Борисовиче.

— Опять печень, — посочувствовал директор.

— Да, печень.

— Или, кажется, сердце?

— Кажется, сердце, — уже несколько раздраженно сказал я.

Директор всплеснул руками:

— Впрочем, что я? Ведь у него обширнейшая язва желудка!

— Не люблю, когда из меня делают идиота. Я демонстративно постучал удостоверением по столу.

— Чем же мы займемся в первую очередь? — спросил директор.

— Уроки.

Я чувствовал, что мало похожу на инспектора. Это и неудивительно: на подготовку легенды у меня было всего полдня. Я едва успел зазубрить структуру облоно и некоторые общие принципы педагогики.

— Я могу говорить с вами откровенно? — вдруг спросил директор.

— Разумеется.

Он включил вентилятор, внимательно посмотрел на белый, полупрозрачный круг и повернулся ко мне всем телом.

— Вас интересует учитель Зырянов?

Надеюсь, что на моем лице ничего не отразилось. Да, меня интересовал учитель Зырянов. Но директору не следовало знать об этом. Никому в поселке не следовало об этом знать.

— Я так и думал, — сказал директор. — В конце концов я буду жаловаться. Если сам Зырянов не будет, то буду я. Дайте же человеку спокойно работать. Ну да, он дает материал сверх программы. Много материала. Но вы посмотрите — его ученики берут грамоты на всех областных олимпиадах. А двое даже на всесоюзной... Я понимаю, были времена, когда любое отклонение от программы... Я и сам... Но ведь все уже позади. В позапрошлом году Зырянов получил звание заслуженного учителя.

— Очень рад за него.

— А вы знаете, что его приглашали в Москву, на кафедру? Говорят, его метод — это готовая докторская.

— Неужели?

— Отказался, — торжествующе сказал директор. — Не поехал ни в какую Москву. Потому что Учитель. — Директор так и произнес это слово — с большой буквы. — Мы, конечно, все учителя, что там говорить, — он махнул рукой, — я, например, вот вы. Но Зырянов от бога Учитель. Вы слышали о Крапивине?

— Ну как же...

— Его ученик. А Дементьев, а Логачев, а Болдин...

Совсем недавно я тщательно изучил длинный список этих имен. Причем против каждого из них стояло очень высокое звание.

— Его ученики любят, — почему-то шепотом сказал директор. — Вы преподавали?

— Немного.

— Ну все равно. Это очень трудно, чтобы ученики любили. Меня, например, не любят. Честное слово. Меня только уважают, боятся, а его — любят.

— Несколько дней назад я даже не слышал о Зырянове, — вполне искренне сказал я.

— Я хочу, чтобы его оставили в покое, — сказал директор. — Есть же обычная деликатность. Вы не поверите: после каждой комиссии, после каждой проверки он день-два болеет. Да. Мне приходится переносить уроки. Он и так часто болеет.

Директор посмотрел на меня, словно ожидая, что после этих слов я извинюсь и уйду. Но я сидел.

— Хотите побывать на уроке у Зырянова? — безнадежно спросил он.

— Да.

Он вздохнул.

— Хорошо, я провожу вас. Но одна просьба: понимаете, в детстве Зырянов попал в аварию... Едва выжил... У него сейчас несколько... необычный вид. Мы-то привыкли, а вы — человек новый...

— Я все понял.

— Фу... какая жара, — сказал директор, дополнительно к вентилятору обмахиваясь руками. — Сколько здесь живу, не помню такого жаркого октября. Да вы оставьте пиджак — совсем распаритесь, повесьте вот тут, на стуле.

— Спасибо, мне не мешает, — сказал я.

Это было не так. Но у меня под пиджаком, поверх рубашки, сбоку в кобуре на ремнях висел тяжелый двенадцатизарядный армейский пистолет с навинченным глушителем.

Мы прошли по пустому солнечному коридору. У дверей в класс директор как-то заколебался, но постучал. Школьники дружно встали. Директор назвал меня, попросил разрешения присутствовать.

— Пожалуйста, — клекочущим, как у птицы, необычайно высоким голосом сказал некто, сидящий за учительским столом.

Я прошел в задние ряды. Головы поворачивались мне вслед. Не знаю, в чем дело, но я сразу почувствовал острую враждебность. Меня не хотели. Весь класс не хотел.

— Продолжай, Егоров, — проклекотал учитель.

У доски, испещренной непонятными символами, стоял длинный нескладный парень. Он в раздумье почесал нос — костлявые запястья далеко высунулись из рукавов, — отрешенно поглядел на доску, сказал ломающимся баском:

— Топологические пространства, являющиеся подмножествами хаусдорфовых бикompактных пространств, называются вполне регулярными, или тихоновскими пространствами. — Он запнулся, опять почесал нос и зачастил, будто прорвало: — Их тоже можно охарактеризовать некоторой аксиомой отделимости, а именно: аксиомой, требующей, чтобы для любой точки и любого не содержащего ее замкнутого множества существовала непрерывная функция, равная нулю в «икс» и единице в «игрек».

Я осторожно посмотрел по сторонам — не веляют ли дурака? Класс напряженно слушал. Кое-кто быстро писал в тетради. Мой сосед по парте морщил лоб и беззвучно шевелил губами — повторял. Оставалось думать, что с тех пор,

как я окончил школу, преподавание математики сильно шагнуло вперед.

— А топологические пространства, являющиеся открытыми подпространствами хаусдорфовых компактных пространств, можно считать локально компактными пространствами, — частил парень.

На меня больше никто не обращал внимания. Меня это устраивало. Я смотрел на учителя. Директор ошибался. Вид у него не был необычным. Это был просто другой вид. А фотографии его не удалось получить. Учитель походил на первоклассника — маленький и худой. Если бы он встал, то ненамного возвышался бы над партами. И на этом детском теле сидела непропорционально большая шишковатая голова с редкими волосами — череп казался голым. Но когда учитель поворачивался, то белесые, как у новорожденного, волосы вдруг вспыхивали мелкими разноцветными искрами, словно были сделаны из хрустала. Глаза его по-лягушачьи резко выдавались вперед и казались еще больше из-за очков с сильными стеклами — зрачок растекался во всю линзу, а тяжелые веки периодически смыкались, будто створки раковины. Рот беззубый — до ушей, звонко чмокал, вздувая в углах зеленые пузыри.

Он был похож на какое-то земноводное животное. Я поднял ручку — словно рассматривал перо, и сфотографировал его несколько раз.

Парень у доски тем временем замолчал, пригладил желтые космы. Учитель, не оборачиваясь, вынул за спину руку без костей, зачеркнул что-то на доске, искрошив мел.

— Вот так будет правильно, — пискляво сказал он. Спросил: — Сам?

— Сам, — подтвердил парень.

— Свистит он, Яков Иванович, — сказали из середины класса. — Вычитал в «Проблемах топологии».

Парень набычился, сказал сквозь зубы:

— А когда я врал? Вы не верьте ему, Яков Иванович. Я давно хотел подумать подпространства Хаусдорфа. И подумал. Вчера копал свеклу на огороде и все время думал. А никакую топологию я не смотрел.

Мой сосед по парте сказал себе в нос: «Есть» — и поднял руку.

— Слушаю, Антипов, — просвистел учитель.

— Я думаю, что локально компактные пространства в классе хаусдорфовых пространств, — звенящим голосом сказал мой сосед, — можно охарактеризовать тем, что каждая их точка обладает окрестностью с компактным замыканием. — Он споткнулся, мучительно сморщился, проговорил торопливо: — Сейчас, сейчас. — В классе стояла мертвая тишина. Выпалил: — Пример — евклидово пространство. То есть любое такое пространство дополняется одной точкой до компактного. Пример: присоединением одной точки из плоскости получается сфера комплексного переменного, а из «эр — эн» сфера «эс — эн».

Он внезапно замолчал. Учитель пошлепал огромным ртом:

— Молодец, Антипов. Это — правильная характеристика.

Мой сосед сразу сел, попытался сдержаться, но улыбка расплзлась у него во все лицо.

Класс загудел. Взметнулся лес рук. Кто-то говорил, что он дополнил аксиому Хаусдорфа для каких-то особых случаев, толстяк справа от меня, похожий на батон, прямо стонал, что нельзя же замыкаться: нехаусдорфовы пространства еще интересней, а очень стройная девушка со строгим лицом, по внешности типичная отличница, встав, попросила разрешения рассказать о каких-то гомотопических классах, так как она считает, что можно изучать лишь гомотопически инвариантные функции.

Несколько голосов закричали ей, что алгебраическая топология будет на следующем уроке. Девушка заспорила, сдвинув непримиримые брови.

Прозвенел звонок.

Учитель поднял тонкую руку. Кожа на ней блестела будто лаковая. Шум мгновенно стих. Только запоздалый голос умоляюще протянул:

— Давайте поговорим на перемене, Яков Иванович...

— Мы не одни, — сказал учитель.

Все повернулись ко мне, и я снова ощутил

нетерпеливую, острую неприязнь в ожидающих лицах.

— У вас есть какие-нибудь вопросы? — прошептал учитель. Расширенные зрачки его впервые обратились на меня: будто воткнули в сердце ледяную иглу.

— Благодарю за урок, — сказал я и встал. Школьники тут же хлынули к столу. В суматохе пронзительных голосов учителя не было слышно.

Директор уже шел по коридору мне навстречу.

— Ну как?

— Завидую, — ответил я. — Я математику терпеть не мог.

— Все так говорят, — печально сказал директор. — А потом приходит бумага — из горно, или из облоно, или еще выше — с распоряжением: учесть и больше не повторять.

— Бумаги не будет, — пообещал я.

— Хорошо бы, — сказал директор. Он мне не поверил. — Какие у вас планы? Еще один урок? Педсовет мы на сегодня не назначали, но если вы считаете нужным...

— Не стоит, — сказал я. — Лучше завтра. Или послезавтра. Успеется.

— Тогда вам лучше отдохнуть. У нас есть квартира для приезжих. Я провожу вас. Это недалеко.

Воздух на улице обдал нас банным жаром. Выступил пот. Ноги утопали в густой пыли.

Директор вяло рассказывал о школе. Я оглядывался с безразличным любопытством приезжего — деревянные изгороди, заросли крапивы, канавы, наполненные лопухами.

Ничего особенного.

Месяц назад в створе этой деревни сгорел боевой английский спутник типа «Ангел» — полуавтономный спутник слежения, снабженный всеми новейшими системами обороны. Он вспыхнул на высоте сорока тысяч километров и сразу же начал падать: орбита была нестабильной. Я видел фотографии останков. Если это можно назвать останками. Специалисты единодушно утверждали, что горела даже титановая броня. С другой стороны, они не менее единодушно не понимали, как такая броня вообще может гореть.

Впрочем, о деревне, называемой Неустрой, речи тогда не было.

Но еще через неделю в этой же зоне сгорел американский «муравей». А на следующий день — второй английский спутник. Довольно быстро выяснилось, что орбитальные системы поражаются в одном и том же секторе над территорией СССР в промежутке от нуля до двух часов ночи.

Начались осложнения. Ряд западных правительств обвинил Советский Союз в применении нового оружия космического масштаба. В ответ Советский Союз предложил создать международную комиссию для расследования инцидентов — нам скрывать было нечего. Одновременно два советских спутника были перемещены на орбиты, пересекающие сектор поражения. Оба сгорели за две ночи, но успели передать данные о сильнейшем излучении. Природа его была неясна. Уточнили створ, стержнем которого оказалась обычная сибирская деревня с печальным именем Неустрой.

Что могло означать излучение такого рода, все понимали. План блокады области был разработан с впечатляющей быстротой.

Дом действительно оказался недалеко. Квартира находилась на первом этаже — стандартная однокомнатная.

— Располагайтесь, — сказал директор. — Столовая — по улице и налево.

— А кто соседи? — полюбопытствовал я, кивнув на стенку.

— Зырянов, — с запинкой сказал директор. — Имейте в виду, он очень не любит, когда его беспокоят. Если вам что-нибудь понадобится, лучше обратитесь ко мне. Вон тот дом с синими наличниками. И вообще, в любое время, милости прошу — вы мой гость.

После душа я отдернул занавески. Кусты в палисаднике поникли. Солнце вжало их в землю. На утрямбованной площадке торчали одинокие качели. Шарка в пыли, прошла женщина с тяжелой сумкой.

Трудно было представить, что послезавтра именно здесь должна будет начаться операция по устранению опасности из космоса.

Я достал из пиджака рацию, повалился на нагретую тахту, вызвал штаб. Доложил обстановку и данные на Зырянова.

— Это он, — сказал я.

— Ты уверен? — спросили меня после паузы.

— Почти.

— Ладно. С Зыряновым никаких контактов. Чистое наблюдение. Смотри, не спугни его там.

Я спросил насчет операции. Мне ответили, что начнется завтра к вечеру. Для задержания Зырянова мне будет придана специальная группа. Таким образом в моем распоряжении были еще сутки. Я дал отбой.

Что ж, деревня как деревня. Обычная. А в деревне существует школа, которая славится своими учениками. Среди них — три академика, двое — с мировым именем, и более двадцати докторов наук по математике и физике, некоторые в перспективе также академики. Причем все эти знаменитости учились у одного и того же человека — Якова Ивановича Зырянова. Он окончил Томский педагогический институт, добровольно приехал в этот поселок и преподает здесь непрерывно уже двадцать пять лет.

Но по нашим данным Яков Иванович Зырянов ни Томский, ни какой-либо другой педагогический институт не кончал. Более того, двадцать пять лет назад Яков Иванович Зырянов вообще не существовал. Он нигде не родился. Семья его неизвестна, он не жил ни в одном городе, он не учился ни в одной школе, он нигде не работал, он не служил в армии. Его просто не было. Он возник ниоткуда.

Я спрятал рацию. Следовало немного поспать — ночью мне предстояла работа.

Проснулся я, как и заказывал, в десять. Было уже темно. Прошел дождь, из открытого окна тянуло сырой свежестью, запахом листьев и земли. От столбов с погашенными фонарями тянулись через дорогу черные тени.

Я махнул в сад прямо через окно. Постоял, послушал. Согнувшись, побежал к ограде. Кусты малины окатили меня теплой водой. Под ногами хлопало. Вслед, передавая меня, как эстафету, затыкали собаки.

Лес начинался сразу за поселком. Луна из фольги приклеилась над зубчатой, нарисованной кромкой его. Боюсь, что первые полчаса я производил довольно много шума. К лесу надо привыкнуть. Это дается не сразу. Но скоро я привык и быстро понял, что за мной кто-то идет. Человек двигался, когда двигался я, и останавливался вместе со мной. Он не был профессионалом: каждый раз опаздывал на какую-то долю секунды.

Оглядываться и прислушиваться в таких случаях — последнее дело, только спугнешь. Я поступил иначе. Растворился. Так, как нас учили. Нырнул за низкие ели и, прикрываясь ими, без единого звука отошел назад по дуге.

Все оказалось правильно. Он стоял между мною и луной — в синеватом мертвеном свете, у ствола, вцепившись в белую бороду лишайника. Рослый, плечистый мужчина в тренировочном костюме и тяжелых ботинках. Я рассчитывал увидеть другого. Мое исчезновение, видимо, обеспокоило преследователя. Он выдержал недолго — тронулся от дерева к дереву, облитый луной по голове и плечам. Я бесшумно последовал за ним. Уйти можно было запросто, но, в конце концов, я решил, что поскольку это не Зырянов, то контакт с ним мне не запрещен, и когда человек приблизился к пушистым елям, в которых я исчез, и наклонился, всматриваясь, я на него прыгнул.

Прыгнул я хорошо, но реакция у него оказалась еще лучше. Он успел выставить локоть, мой удар пришелся по кости. Мы оба вскрикнули — я от боли, он от неожиданности, — повалились в колчючие ветви, меня будто молотком стукнули по виску: в голове на мгновение вспыхнули разноцветные пятна. Этого мгновения хватило. Когда я очнулся, он уже сидел на мне, заламывая руку, надсадно дыша и приговаривая: «А вот так не хочешь?! А вот так не нравиться?!»

Я лежал, уткнувшись в сухие иголки. Сильно пахло смолой. Боль в скрученной руке вынимала душу. В таком положении мало что можно

было сделать, но я все-таки сделал, и мы покатились, поочередно оказываясь наверху. Мужчина был тяжелым и сильным, но, на мое счастье, совсем не умел драться грамотно, надо было только ждать, когда он раскроется...

А потом я достал фонарик и осветил его лицо. Директор!

— Не надо шума, — сказал я и осветил себя. Больше всего я боялся, что он закричит. Харламов скит находился где-то рядом, и если бы он закричал, то на наблюдении можно было бы поставить крест. Но он не закричал — дернул щекой, спросил:

— Вы? Откуда?

Шепотом я объяснил, кто я такой и откуда, разумеется, не упоминая о задании.

— Пустите меня, — сказал директор.

Я погасил фонарик. Директор сел, покрутил головой.

— Фу, черт... Вы сломали мне шею... Между прочим, я сразу понял, что вы не из облоно.

— Что вы делали в лесу? — спросил я.

— Выслеживал Харлама. Решил, нужно самому посмотреть, какие тут у нас завелись призраки.

— Видели его?

— Нет.

— А зачем пошли за мной?

— Я же не знал, что это вы, — сердито сказал директор.

— А вы вообще этого Харлама когда-нибудь видели? — спросил я.

— Да.

— Когда?

— Например, сейчас вижу, — хладнокровно сказал директор.

Я обернулся. Между деревьями недалеко от нас передвигалась мерцающая тень. Я быстро прикрыл директору рот рукой. Тень была мне по грудь и напоминала карикатурного человечка, как его рисуют дети, — круглая голова, а вместо рук и ног — черточки. Свет от нее исходил фосфорный, ничего не освещающий. Смотреть было жутковато. Я расстегнул кобуру.

— Пойдем за ним? — высвободившись, прошептал директор.

Я колебался всего секунду. Чем бы это привидение ни было, упускать его нельзя.

— Только без моего приказа ничего не делать.

Привидение вовсе не плыло по воздуху, как мне показалось. Оно то и дело спотыкалось, неразборчиво бормотало, шуршали иглы, иногда хрустела ветка. Это меня успокаивало: меньше шансов, что нас услышат.

Идти пришлось недолго. Деревья поредели. Лунный свет, как вода, встал между ними. Появилась поляна — небольшая, круглая, в высокой голубой траве. Из нее, как из озера, поднималась черная, покосившаяся избушка, крытая дерном. Крыша ее съезжала до земли.

Привидение пересекло поляну — почти невидимое в голубой траве, — вспыхнув в проеме, прикрыло дверь. Ни искры не мелькнуло в низких окнах.

— Будем брать? — предложил директор. — Теперь оно от нас никуда не денется.

Я молчал. Взять привидение сейчас, неожиданно, представлялось очень заманчивым. Конечно — деться ему было некуда. Но я не имел на это разрешения. И сомневался, что получу его, связавшись со штабом. У штаба была своя правота: в такой операции нельзя рисковать ничем, а идти в одиночку, даже вдвоем, против того, кто мог оказаться в избушке, было все-таки рискованно.

Директор нетерпеливо покашлял.

— Когда вы уходили, где был Зырянов? — спросил я.

— Зырянов? При чем здесь Зырянов? — удивился он. — Наверное, дома. Он по вечерам не выходит. Бойся темноты. Каждый вечер запирается в квартире.

— А к нему кто-нибудь заходил вечером?

— Нет, он этого не любит.

Разговор мы вели торопливым шепотом, не сводя глаз с избушки. Я прикинул расстояние и окончательно решил, что туда мы не пойдем: в голубой траве нас бы сразу заметили.

— Объясните, при чем здесь Зырянов? — сердито сказал директор.

Ответить я не успел. Из избушки раздался

звук, будто нажали клавишу рояля. Мы пере-
глянулись.

- Вперед? — спросил директор.
- Нет, — сказал я.
- Пять секунд, и мы там.
- Нет.

Звук повторился, такой же одинокий, тоскую-
щий, повис в воздухе. Из трубы избушки поднял-
ся ослепительно-белый луч, очень тонкий, как
вязальная спица; постоял и заметался, выписы-
вая сложную фигуру.

Звуки — все на одной ноте — посыпались
дождем, слились в жалобный стон и погасли.
Луч беззвучно плясал над крышей. Я заметил,
что он вовсе не достает до неба — свечение за-
канчивалось внезапно, словно упираясь в неви-
димую преграду. Директор смотрел как зачаро-
ванный.

— Ну и Харлам, — протянул он.

В тишине над светлой поляной возник очень
чистый, детский голос, выводящий какую-то
странную горькую мелодию. Луч метался в такт
переливам. Трава пошла волнами, хотя ветра
не было. На голубых метелках ее появились
крошечные розовые огоньки. Директор обхватил
еловый ствол — застыл. У меня поджалась паль-
цы ног, кожа пошла пупырышками, словно по
телу поползли сотни холодных скользящих
мокриц.

Мелодия была чужой, совсем чужой, нечело-
веческой. Она раздирала меня изнутри, скручи-
вала каждый нерв, каждую клетку.

Директор закричал, замахал руками, побе-
жал прочь, похожий в лунном свете на большую
черную бабочку. Я тоже сорвался с места. Ро-
зовые огоньки на траве вспыхнули — желтым,
ослепляющим. Прямо в глаза. Я опомнился,
остановился.

Рядом застонали. Я сразу присел, вытащил
пистолет:

- Кто?
- Я, — сказал директор.

Он сидел в неглубоком сыром овраге, обеими
руками сжимая колено. Раскачивался, подвора-
чивал губы от боли.

— Что это было? — спросил он. И не дожидаясь
ответа: — Проклятая музыка! Омерзительная!
— Коротко застонал. — О, черт! Посмотрите, я, кажется, вывихнул ногу.

По-моему, это был не вывих, а закрытый
перелом. Во всяком случае, идти он не мог.
Я связался со штабом и доложил о случившемся.
Сообщение принял сам генерал.

— Харламов скит, говоришь? — в наушник
было слышно, как он разворачивает карту. —
Есть такой. Значит, луч и музыка?

— Мне кажется, это попытка связи, — сказал
я. — Очень мощные позывные. В них и горят
спутники.

— Хорошие дела! Как считаешь, он вас
заметил?

— Не знаю.

Генерал долго молчал, а потом сказал:

— Операцию я переношу на сегодня, — по-
крихтел в микрофон. — Ничего не готово! Нач-
нем в четыре, когда рассветет. К этому времени
ты должен выйти из леса. Группу захвата полу-
чишь немедленно. Задача прежняя.

Я ответил: «Есть!» — и отключился. Директор
по-прежнему держался за колено. Поймал мой
взгляд, сказал, морщась:

— Идите в поселок. Я подожду здесь — при-
шлете кого-нибудь. Идите — я ж вижу, что
вам нужно!

Я не стал возражать.

Когда я вышел к деревне, воздух уже посинел.
Неотчетливо проступили сырые темные дома.
Светилось лишь одно окно — мое.

Я хорошо помнил, что не зажигал свет.

Дверь в квартире была не заперта, в комна-
те — тоже. Я осторожно вошел. На тахте, под
торшером, не доставая короткими ногами до
пола, сидел учитель — Яков Иванович Зырянов.

— Я вас ждал, — своим тонким, клекочу-
щим голосом сказал он.

— Физкультпривет! — сдержанно ответил я
и просунул руку под пиджак, на кобуру. Было
около четырех. Группа захвата могла прибыть
с минуты на минуту.

— Вы были в лесу, — сказал учитель.

Он не спрашивал, он утверждал. Я посмотрел
на свои заляпанные грязью ботинки и выключил
свет. Сразу же на тахте появилось карикатур-
ное изображение человека из белых фосфор-
ных линий. Я включил свет.

— Садитесь, — спокойно сказал учитель.
Я сел.

— Вы следили за мной? — спросил он.

— Да.

— Вы знаете, кто я?

— Да.

— С каких пор?

Я сказал, с каких.

— Трое суток... Установили по ученикам?

— Первоначально по спутникам.

Он не понял. Я объяснил, что спутники горят
в створе поселка. Он сидел напротив меня —
щуплый, с непомерной головой. На дне выпук-
лых лягушачьих глаз вспыхивали зеленые искры.

— О спутниках я не подумал, — сказал он. —
Действительно. Вы наблюдали мою связь в лесу?

— Да.

— Что вы теперь собираетесь предпринять?

Я не имел права говорить. Я не хотел гово-
рить. Но зеленые искры стали гуще — и я сказал.

— Неужели я так мешаю? — горько спросил
он. — Я ведь совершенно не вмешиваюсь в вашу
жизнь — ни в политику, ни в экономику. Я лишь
чуть-чуть, совсем не существенно ускоряю про-
гресс.

— Человечество не может допустить, чтобы
кто-то чужой, тайно, с неизвестной целью вме-
шивался в его дела. Весь мир...

— В основах земной морали я разбираюсь, —
сказал он.

— Вам следовало прийти открыто, — сказал
я. — При контакте допустимы лишь равноправ-
ные отношения.

Зеленоватые искры потускнели, клекот стал
глуше.

— Была авария, — сказал он. — Мы не вино-
ваты. Мы не собирались высаживаться. Мы не
собирались входить в Солнечную систему. Была
авария. Я попал к вам случайно.

Губы у него двигались, как у куклы в мульт-
фильме — не в такт словам.

— Я здесь один, — сказал он. — Я даже не
специалист по контакту. Я рядовой инженер.
Я не имею права. Были случаи, когда контакт
кончался планетным шоком для одной из сторон.
Цивилизация должна быть подготовлена. Я во-
обще не уверен, что будет решение о целесооб-
разности контакта с вами.

Он вздохнул.

— Нужно идти. Если я сейчас исчезну, меня
станут разыскивать?

— Да, — сказал я.

Он встал. Глаза погасли. Поправил толстые
очки.

— Не надо меня разыскивать. Постарай-
тесь объяснить это. Ваши спутники в безопас-
ности: у меня больше нет энергии для связи.
Я копил ее долго, но отдал — всю. Если сигнал
услышали, то меня заберут. А если нет...

Лес горел. Насколько хватало глаз. Широкий,
густой дым волновался под нами, как море в не-
погоду. При порывах ветра волны распахива-
лись и показывались дно, наполненное желтым
бушующим огнем. Значит, у него все-таки оста-
валась энергия...

Даже в вертолете ощущался сильный запах
гари.

— Мы над местом, — сказал пилот, оборачи-
ваясь от штурвала.

Генерал показал ему ладонь — вниз.

— Опасно, товарищ генерал.

— Приказываю садиться!

Тон у генерала был металлический. Пол начал
проваливаться у нас под ногами. В кабину по-
полз дым. Окна ослепли. Вертолет окунулся
в белый туман.

— Седьмой передает: в квадрате никого не
обнаружено, — сказал майор из группы захвата.
На коленях у него лежала развернутая карта.
Рядом сидели еще пятеро — такие же высо-
кие, плечистые, чем-то похожие друг на друга.

Машину вдруг кинуло куда-то вправо. Я вце-
пился в ускользающий подлокотник. Совсем
рядом, в метре от кабины, пронеслась облитая
пламенем, корчащаяся, машущая ветвями ель.

Вертолет сильно ударился колесами — раз, дру-
гой. Меня чуть не выбросило из кресла. Генерал
морщился. Широкоплечие ребята сидели как
влитые. Майор продолжал разглядывать карту.

Трахнуло еще, но уже слабее. Умолк мотор.
Винт со свистом замедлил вращение.

Пилот повернул к нам серое мокрое лицо:

— Прибыли, товарищ генерал.

Снаружи оказалось гораздо спокойнее, чем
можно было предполагать, глядя на пожар
сверху. Огонь трехэтажной лавой обтекал нашу
поляну. Лава дышала жаром — трещало, руши-
лось, но сюда огонь не перекидывался. Дым про-
носил над головами.

По границе поляны, почти в самом пламени,
редкой цепью чернели люди в огнеупорных
комбинезонах. Они держали на бедрах короткие
и толстые противопожарные пушки с расширяю-
щимся дулом. Время от времени пушки отрыви-
сто бухали, и пламя там, куда они стреляли,
разом опадало, рассыпаясь на багровые тлею-
щие угли. Выступали древесные стволы, покры-
тые коростой сажи.

Недалеко от вертолета в непринужденных
позах лежали на земле трое, одетые в костюмы
усиленной защиты. Шлемы у них были отвин-
чены.

Подбежал человек в мундире с желтыми на-
шивками, отдал честь. На закопченном лице его
блестели одни глаза.

— Что? — спросил генерал.

— Возвратились, — четко повернулся на пол-
оборота — к лежащим.

Они медленно, словно нехотя, поднялись.
Стало видно, что под ними все выгорело. И от
пылающего леса к ним тянулась цепочка черных
дымящихся следов.

Один из них, видимо командир, помотал голо-
вой:

— К Харламову скиту не пройти. Горит зем-
ля. Защита не выдерживает.

У генерала между бровей легла глубокая
морщина. Тогда командир стащил с руки тол-
стую перчатку, бросил. Трава под ней сразу же
вспыхнула, торопливо побежали веселые желтые
огоньки.

Майор из группы захвата осторожно потро-
гал перчатку носком сапога.

Здоровенная ель, проскрипев, легла на поля-
ну, раскидав головешки. Буря искр пронеслась
в воздухе. Мне стрельнуло угольком прямо в ла-
донь. Неожиданно и больно.

— Вам лучше вернуться в поселок, товарищ
генерал, — сказал майор. Рукав его комбинезона
слегка дымился.

Генерал посмотрел на него и вдруг рявкнул.

— Что там со связью? Почему не доклады-
ваете!

У майора потемнели глаза. Он сказал под-
черкнуто официально:

— Доложились все десять групп, товарищ
генерал. Результаты нулевые. Зырянов не об-
наружен.

— Продолжать поиск! Расширяйте зону. Ес-
ли вам нужны люди, — запросите. Вне всякой
очереди!

— Нам его все равно не найти, — сказал я,
дуя на обожженную руку. — Нам не обнаружить
его, пока он сам этого не захочет.

Генерал повернул ко мне гневное лицо. Не
находил слов.

Начальник спецкоманды тревожно огляды-
вался.

— Кончаются заряды, — сказал он.

Цепь людей в комбинезонах медленно пяти-
лась.

— Может быть, он погиб в скиту? — очень
нейтрально предположил майор.

— Вряд ли, — отчетливо сказал генерал.

Я подумал, что весь наш поиск бесполезен.
Наверное, сейчас где-то далеко за границей
области в обычном поезде едет маленький, ти-
хий, похожий на подростка человек, терпеливо
переносит любопытство соседей — шевелит
безгубым ртом, круглыми, лягушачьими глазами
провождает зеленые леса чужой ему планеты.

Завтра он сойдет на какой-нибудь крохотной
станции и постучится в любой дом.

Огонь подступал вплотную.